

на взрослый. В действительности же слова «в мытях» должны переводиться буквально — в линьке, когда сокол линяет. Установлено, что «соколы линяют в то время, когда в гнездах их находятся птенцы».⁶ Линька проходит медленно и безболезненно и не мешает соколам защищать своих птенцов.

Лесной называет автора только в тех случаях, когда с ним не согласен. Он не согласен с нашим толкованием слов: «по белѣ», «пардуже гнездо», «полозию», «сморци». Принятое почти всеми комментаторами толкование «бели» наш критик считает ошибочным. Он предлагает «белу» заменить «соболем», так как цена беличьей шкурки якобы была слишком низка для уплаты дани. Соболи же, по мнению австралийского натуралиста, в XII в. могли водиться в Северной земле. Надо слишком поверхностно знать древнюю литературу, чтобы предположить, что автор «Слова» смешивал этих пушных зверьков. В летописях нередко они упоминаются в одной фразе. Например: «...новгородци ходиша на нѣх ратью к Устюгу, и взяша на них окупъ 50000 бѣлкѣ и 6 сороковъ соболей».⁷ Сопоставления одинакового содержания фраз из разных списков летописей также доказывают, что веверицы, векоши и бели были не серебряные монеты, а шкурки («скура»). Предположение, что соболи в древности могли встречаться в Северной земле, показывает, что Лесной слабо знает биологию млекопитающих. В древней Руси широко распространенным видом была лесная куница, или куна, и это исключало возможность присутствия соболя, так как названные зверьки являются биологическими конкурентами, и области их распространения раздельные и только слегка перекрываются местами на Урале. «Бела» «Слова» — шкурка высшего сорта, «побелевшая» к зиме белка. В древней Руси такая шкурка ценилась, по-видимому, выше рыжей веверицы, так как последняя обладает мехом невысокого качества.

Пардуса Лесной предлагает считать рысью. Это тоже грубая ошибка. Хотя в некоторых источниках и встречается такая трактовка, но она основана, надо полагать, на неверном переводе пардуса в Библии на польском языке. То место Библии, которое в славянском переводе звучит «яко пард погубит я», в польском переводе звучит «jako gus' obrazi ie».⁸ Что пардуса не смешивали в древней Руси с рысью, свидетельствует фраза: «Куман пардос есть, угрин рысь есть».⁹ В век Игорев, по словам Д. Дубенского, «был вкус на барсов».

Что пардус древней литературы — синоним охотничьего гепарда, доказывает стенная живопись Киевской Софии. Здесь, кроме одиночного гепарда, преследующего дикого коня, изображены три гепарда, повалившие на землю дикого коня либо онагра. Пардус, вопреки мнению Лесного, как и все крупные кошки, свирепый, вернее кровожадный или, как пишет академик И. И. Лепехин,¹⁰ «кровожаждущий» к своей добыче зверь. Убив животное (дикого коня, онагра, сайгу, косулю, зайца), он прежде всего лижет кровь. Он несравненно сильнее рыси и даже барса или леопарда, о чем пишет А. Брем. Преследуя добычу, как и все кошки, на коротке, он является «самым быстрым из всех млекопитающих».¹¹ Гепард легко приручается и тогда превращается в «добродушное» в отно-

⁶ Г. П. Деметьев. Птицы нашей страны. М., 1949, стр. 9.

⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.—Л., 1950, стр. 415.

⁸ Д. Дубенский. «Слово о полку Игореве». М., 1844, стр. 129.

⁹ В. Перетц. «Слово о полку Игореве». У Київі, 1926, стр. 263.

¹⁰ См.: Словарь Академии Российской, ч. IV. СПб., 1793, стр. 714.

¹¹ Д. К. Соловьев. Основы охотоведения, ч. 5. М.—Л., 1929, стр. 1030.